

Соблюсти душу

Волки мчались вдоль дороги с обеих сторон, сжимая клин, чтобы перехватить лошадь спереди. Дорога пошла лесом. Санки замотало по колее. Справа от дороги сквозь деревья мигнул фонарь. Жеребец Яшка без понукания свернул на огонек и с размаху остановился под светящимися окнами избы лесника. Три волкодава выскочили со двора и залились в темноту хриплым лаем. Ефим Алексеевич оглянулся. Волки, глухо рыча, расположились полукругом, медленно подступали. Крупный волк и волкодав уже взметнулись в воздухе, чтобы сцепиться в смертной схватке. Ефима Алексеевича охватил ужас от приближавшихся глаз зверя. Он закричал и очнулся...

Душная тьма одиночной камеры поглотила его крик. Он вспомнил, что находится в тюрьме. Сел на топчане. Хотелось курить. Сглотнул слюну, чтобы заглушить подступавшую тошноту. Ныло раненное в гражданскую войну плечо. Вчера его пытались избить в общей камере три уголовника. А может, и убили бы, не будь при нем припрятанного железного прута. Передал его на свидании старый товарищ следователь местной прокуратуры, с которым работал когда-то в Хлевном.

- А-а-а, стерва прокурорская! □ свистел щербатым ртом рыжий вор, пытаюсь зайти сзади. У него была в рукаве финка. Через минуту рыжего уголовника с разбитой головой утащили в медпункт. Двоих сокамерников отправили в карцер. Ефима Алексеевича перевели в одиночную камеру.

Начальник тюрьмы, хорошо знавший Ефима Алексеевича (вместе были на военных сборах в Коротояке), вечером вызвал его к себе в кабинет. На столе стояла бутылка водки, лежала приготовленная закуска.

- Ты пойми мое положение, Ефим. Везде уши! □ Лаптев опрокинул полстакана водки в рот, хрустнул соленым огурцом. □ Твоего бывшего начальника вчера □ тютю. Вот уж га из гадов был! Скольких хороших ребят погубил. Солодова помнишь?

- Конечно, - кивнул Ефим Алексеевич. □ Вместе на Дону шашлыки на сборах жарили. Он в Лисках начальником транспортной милиции был.

- В Боброве в прошлом месяце расстреляли. А Шлыкова на Колыму загнали.

- Саньку-то Шлыкова за что? - удивился Ефим Алексеевич.

- Не поверишь: своему заму анекдот, услышанный от политических, рассказал. А тот и настучал. Теперь на месте Шлыкова сам прокурорит. Кури, брат, - Лаптев протянул коробку с папиросами. □ Хорошо, Ефим, что на тебя уголовное дело успели завести, а то бы не миновать тебе северного направления.

- Жалею, что не убил этого подлеца! - вспыхнул Ефим Алексеевич.

- Скажи спасибо, что только морду ему разукрасил, да и свидетелей с вами не было. А то бы..., - Лаптев махнул рукой.

Ефим Алексеевич нащупал кружку с водой, выпил ее до дна. Сон не шел. Воспоминания вонзились тупой иглой в мозг, заставляли все пережить заново.

☼ □□□□ когда он открыл кабинет, зазвонил телефон. Судья Макар Егорович Белоухов почти прошептал в трубке:

- Ефим, конвой привезли в тюрьму. В списках твой друг Константин из Павловска.

- Да ну?! - подскочил в кресле Ефим Алексеевич.

- Не горячись, - умолял Макар Егорович, - его не спасешь и себя погубишь. У тебя же трое детей.

Ефим Алексеевич тупо уставился взглядом в стол. А мысли метались в голове: «Что, что делать?»

- Ах, Костя, Костя, как же это! - застонал он.

Ему вспомнился давний разговор с другом. Они рыбачили на Дону. В ту пору Ефим Алексеевич работал прокурором в Павловске, а Константин Сергеевич Залевский был директором педучилища. Человек недюжинного ума, эрудит, он утверждал Ефима Алексеевича в его взглядах. Оба свято верили в правильность линии Партии. Никогда ни тени сомнения не было во взгляде этого лучезарного человека. И вдруг... враг народа!

Тогда Константин стоял на берегу, улыбаясь, раскинув руки, и декламировал отрывок из поэмы Маяковского. В ушах Ефима Алексеевича до сих пор звучал баритон Константина.

Дома встретила его зареванная Анна: Белоухов и ей сообщил о Константине. Она потащила мужа в дальнюю комнату и быстро зашептала:

- Ефимушка, позвоним Нелли. Устрой ей свидание с Константином. Пусть простятся. На последних словах запнулась и зарыдала, уткнувшись ему в грудь...

Тяжелая дрема смежила веки. Ефим Алексеевич снова падал в темную пропасть сна. И снова злые, полные ненависти глаза взметнувшегося волка. Только говорил он голосом старшего следователя Аноприенко, возглавлявшего «тройку».

- Как ты мог к врагу народа пустить кого-то!

- Это его жена.

- Она тоже враг народа! Или ты ... - Аноприенко выругался.

- Ах ты, паскуда! Да они такие же враги народа, как и мы с тобой!

Удар пришелся Аноприенко в нос. Сдерживая хлынувшую кровь носовым платком, следователь прохрипел:

- Ну, ты меня попомнишь, правдолюбец!

На другой день Ефим Алексеевич зашел к начальнику милиции Свиридову. Не успел он сесть в кресло, как тот спросил:

- Что там у тебя вчера с Аноприенко получилось?

- Ничего особенного.

- Ох, смотри, Ефим, будь осторожен с ним, - вздохнул Свиридов и перешел на шепот: - У Аноприенко брат там, «наверху».

- Ну и что?

- Да то, что дергался тут с утра, сволочь, как клоун, а потом в Воронеж укатил.

К вечеру Ефим Алексеевич позвонил в областную прокуратуру старшему следователю, своему другу Кретову. От него узнал, что Аноприенко получил повышение: назначен первым заместителем областного прокурора.

Спустя полгода Аноприенко стал областным прокурором и не замедлил напомнить о себе. Ефим Алексеевич работал над очередным делом, когда позвонил Макар Егорович и выпалил взволнованно:

- Ефим, тебя сейчас придут арестовывать! Сидят, обсуждают, как это сделать. Боятся, что будешь стрелять.

В первое мгновение Ефим Алексеевич опешил:

- Как это я буду стрелять? В кого?

Но Белоухов уже повесил трубку. Ефиму Алексеевичу все стало безразлично. Он спокойно собрал документы и положил их в сейф. В горле пересохло. Поискал в шкафу стакан, чтобы налить воды из графина, и увидел бутылку спирта. Вспомнил, что забыл ее вчера отнести теще. Она давно просила достать спирта на растирку. Ефим Алексеевич взял бутылку и выпил, машинально, даже не почувствовав вкуса. Снял портупею с кобуры и шагнул за порог кабинета....

Когда он открыл дверь в комнату, где заседала «тройка», яркий солнечный луч из окна преградил ему дорогу. За этим лучом кончалась светлая полоса его жизни. Из-за большого длинного стола выглядывали перепуганные «судьи».

- Возьмите, стрелять не буду, - Ефим Алексеевич бросил кобуру с наганом на пол и вышел. Было жарко. Он шел по улице Богучара в направлении тюрьмы, никого не замечая. У ворот тюрьмы остановился и взглянул в небо. В голубой шири не было ни облачка. И только степной орел парил, высматривая добычу.

Ефим Алексеевич вошел в кабинет начальника тюрьмы.

- Открывай камеру, Иван Степанович!

- Зачем?

- Меня сажай!

- Но, Ефим Алексеевич....

- Никаких «но»! - зло отрезал Ефим Алексеевич. - Ордер на арест сейчас будет....

Дальше все поплыло и перемешалось, как в детском калейдоскопе. Опомнился Ефим Алексеевич уже здесь, в перелешинской тюрьме. В первую ночь приснилась младшая дочь Женька. Она бежала ему навстречу по цветущему лугу и смеялась...

Проснулся, по щекам бежали слезы. Стало душно от безысходности. «Как там Анна, дети? Что-то надо делать, чтобы их не тронули». Он вспомнил, как смотрел на окружающих сын Якира, когда его привезли в Павловский детдом. «Неужели и мои дети станут сиротами?» За себя он не боялся. Но дети....

И снова одолел сон. Он спешил в школу в новом полушубке. Не терпелось похвастать обновой перед одноклассниками. Перелез через высокую изгородь в соседский двор. Полный злости взгляд остановил его. Прыгнул соседский пес, который превратился почему-то в волка. И неожиданно сильно ударил пикой в плечо, чуть не вышиб его из седла. Ефим Алексеевич с размаху опустил шашку на этот взгляд, полный ненависти, голова покатила по схваченной изморозью степи. Вихрь унес ее во мглу....

А из тумана всплыл деревенский храм. Ефим торопился на колокольню. С благоговением взялся за веревку большого колокола. «Ба-ам! Ба-ам!» - понесся величественный звон. Ему начали подпевать колокола и колокольцы. Теплая и сухая ладонь батюшки Николая погладила его по голове. Священник говорил тихо, но строго:

- Главное, Ефим, не только молитвы знать, чтобы сказать: «Верую». Главное, как сказал святой старец Василий Великий, соблюсти душу чистою. Помни это до конца дней своих. Последняя встреча с отцом Николаем оставила у него неприятный, тягостный осадок. Большой колокол упал к основанию колокольни и раскололся на три части. За ним посыпались, разбиваясь с глухим звяканьем, и остальные. Отец Николай стоял на коленях в снегу и, воздев руки к небу, молился. Спокойствие священника и сострадание, с каким он просил Бога простить их, комсомольцев, за разор церкви, устыдили Ефима на какой-то миг. Он запнулся, прежде чем ступить в алтарь. Егорка Ступин опередил его и

с размаху рубанул топором по иконе Божьей Матери. Икона рухнула на пол, но не раскололась.

- Ироды! Что же вы в храме-то делаете?! □ пронзительно закричала бабушка Уляша схватила поверженную икону и проворно кинулась к выходу. Ее примеру последовали другие старухи. Вскоре храм опустел. А на другой день арестовали отца Николая и увезли в Курск. Позже Ефим узнал, что священника расстреляли «за организацию контрреволюционной смуты среди верующих...»

Ефиму Алексеевичу стало душно. Он рванул рубаху на груди. Ему показалось, что его душит суровая нитка, на которой висел крестильный крест. Почти два десятка лет минуло, как снял его. А вот надо же, ощутил крепкую нить, впившуюся в горло.

- Нет, не-е-т тебя, Бог! – закричал Ефим Алексеевич и рухнул на нары.

Его трясло: то морозило, то бросало в жар. Вскоре он затих, впал в беспамятство...

И снова волчьи глаза горели злобой. Волки рычали, вставали на дыбы, но костер перепрыгнуть боялись. Вожак насмелился и прыгнул. Ефим Алексеевич прижался к спинке саней, прикрыл лицо воротником тулупа. Волчье дыхание слышалось совсем близко. Выстрел лесника оборвал его....

В наступившей тишине Ефим Алексеевич услышал стоны умиравшего отца

- Ефимка, Ефимка, что ты наделал. Землицу-то, зачем в коммуны голоштаным отдал? Пропадет земля-матушка, бурьяном порастет, а твои дети и внуки, Ефимка, по миру пойдут кусок хлеба просить.

«Неужто отец прав?». «Нет, он не сдастся! Он найдет пути, чтобы вырваться из этих стен. И снова будет бороться за правду. Не все же такие, как Аноприенко. А как же иначе дальше жить?!»

Стукнула «кормушка» на двери камеры, на пол упала записка. Ефим Алексеевич поднял и прочитал: «Пиши письмо Варейкису. Я отвезу. Степан». Брат все-таки приехал в Перелешино. Письмо к Варейкису у Ефима Алексеевича было уже готово. Он вытащил его из потайного места в топчане и отдал протянутой в «кормушку» руке.

За решетчатым окном забрезжил хмурый зимний рассвет. Ефим Алексеевич лег на топчан и крепко уснул. И снова волчья стая летела вдоль дороги. Только у волков были головы надзирателей, следователей, членов «тройки».

В камере, где находился Ефим Алексеевич, окошко было без деревянного щита, поэтому ему хорошо были видны базарная площадь и двор элеватора. Был март. Каждый день к воротам элеватора подъезжали сани. Хмурые мужики курили самокрутки, грузили мешки на сани □ получали семена. Приближался сев. И Ефим Алексеевич представил себе, как суетятся вокруг мужиков в колхозных амбарах уполномоченные, следят за работой. «Какой толк от этого», - вздохнул он. «Сидели бы в кабинетах. Иль мужики сами не знают, что делать?». Он все больше убеждался, что проку в коллективизации немного. Русский мужик век привык работать миром. Зачем же его было насильно, как скотину, загонять в гурт?! Как гнали – на собственном опыте убедился.

Вспомнился случай, когда он работал по коллективизации в соседнем с Щиграми районе. Таким же вот капельным мартовским днем его вызвал первый секретарь райкома партии Иван Большаков и заявил:

- Поедешь коллективизировать Липовчик. Двое уже положили партийные билеты за невыполнение задания, учти.

Пока ехал, ломал голову, как убедить крестьян, чтобы вступали в колхоз. Село было богатое, с добротными домами под железными крышами. Хозяйственные мужики не спешили расставаться с кровно нажитым добром. Когда Ефим Алексеевич вошел в дом, где было правление, его встретили испытывающие, настороженные взгляды липовских крестьян. Он поздоровался, прошел к столу и положил на него два листа бумаги, на которых было написано: «Кто за Советскую власть, тот за колхоз». «Кто против колхоза, тот против Советской власти».

- Ну что, мужики, подходите и пишется в любой лист! □ объявил председатель сельсовета...

В райком Ефим Алексеевич привез почти стопроцентное согласие на вступление в колхоз. Кто же против Советской власти мог пойти? Вспоминая хмурые небритые лица крестьян, писавших фамилии в листы, Ефим Алексеевич подумал: «Стоило ли вот так, огулом, всех? Нет, наверное...»

Утром в камеру пришел Лаптев и с улыбкой сказал:

- В рубашке ты родился, Ефим. Того, кто тебя посадил сюда, вчера расстреляли. Так что собирайся на волю. О тебе Кретов побеспокоился.

Ефим Алексеевич вышел за ворота тюрьмы. Из-за туч выглянуло солнце. Высоко в поднебесье звенели жаворонки. «Хорошо-то как!» - подумал Ефим Алексеевич, закинул на плечо рюкзак и зашагал, не оглядываясь, к автостанции.

агрипина назина

September 27, 2017

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/11179>

© Copyright 2025, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com